

Даосы из храма Цинъюнь к этому моменту уже окончательно онемели от изумления. Стоило Лу Чжэну высечь из воздуха пляшущий огонек, как они лишь механически повернули головы к младшему ученику и совершенно безучастно спросили:

— Младший брат Линь Цю, а это еще что такое?

Линь Цю ответил тоном бездушного справочника:

— Огонь на кончиках пальцев. Если я не ошибаюсь... вполне возможно, что это Истинное пламя.

— Истинное? — переспросил кто-то.

— Да. Огонь на кончиках пальцев, Пламя Самадхи... На подобное способны лишь Великие, чью духовную мощь невозможно даже вообразить.

Хотя еще при виде того меча каждый из них всё понял, от прямых слов Линь Цю о «невообразимой мощи» у присутствующих на мгновение перехватило дыхание.

Линь Цю и сам мысленно тяжело вздохнул.

Столкнуться с подобной благодатью — уже удача, вымоленная за три жизни. На большее рассчитывать не приходилось. Даже если бы их старый настоятель вышел из затвора, вряд ли он смог бы склонить столь могущественного мастера к помощи, не говоря уже о каком-то младшем ученике. Надежда на поддержку окончательно угасла.

Вэнь Бай о происходящем снаружи понятия не имел.

После того глубокого мычания вокруг снова всё затихло, будто тот звук вырвался совершенно случайно.

Но что странно: вопреки гнетущей обстановке и едва уловимому чужому взгляду, никакого страха он не испытывал. Может, дело было в знании, что снаружи находится Лу Чжэн.

Вэнь Баю и самому стало немного смешно от этой мысли.

Слегка наклонившись, он похлопал себя по затекшему колену и неторопливо произнес:

— Так и будешь прятаться?

Вокруг по-прежнему царила полная тишина.

— Выходи, я тебя видел.

Вэнь Бай просто блефовал, надеясь выманить неведомого обитателя, и не особо рассчитывал, что пара фраз сработает. Но раз уж начал, почему бы не пойти дальше?

— И желтого быка тоже, — добавил он.

На этот раз шорох действительно раздался.

«Цок-цок»... Будто копыта легким шагом ступили по каменным плитам. Звук прозвучал куда отчетливее прежнего далекого мычания. Значит, создание находилось совсем близко.

Вэнь Бай слегка улыбнулся и закинул последнюю наживку:

— Не хочешь выходить? Ну ладно, тогда я вздремну. Надумаешь показаться — разбуди.

Пастушок, давно наблюдавший за ним из засады, наконец не выдержал.

Раздался треск разрываемой бумаги — мальчишка разодрал созданный им бумажный барьер и сердито шагнул наружу, ведя за собой быка:

— Ты... да что ты за человек-то такой?! Тебе вообще не страшно?!

Вэнь Бай поднял глаза. Перед ним стоял ребенок в соломенном плаще-дождевике. Плащ на нем вымок, а с широких полей огромной шляпы капали прозрачные капли. Рядом возвышался массивный желтый бык, который лениво и плавно помахивал хвостом.

Вэнь Бай никогда не видел оригинала «Рисунка ребенка, ведущего быка» — свиток был утерян слишком давно, и даже в энциклопедиях о нем сохранились крохи. Но сейчас он был абсолютно уверен: перед ним тот самый пастушок с картины Старца из полуразрушенной хижины.

Мысленно восхитившись невероятным мастерством Чжу Фу, вдохнувшего жизнь в полотно, Вэнь Бай приподнялся. Раньше обзор заслоняла туша быка, но теперь он разглядел: прямо на кончике бычьего хвоста устроился Маленький лотосовый фонарь. Его бумажные лепестки мерно колыхались в такт движениям хвоста — малыш сладко спал.

Вэнь Бай невольно улыбнулся. А он-то думал, что бык гоняет мух, а тот просто убаюкивал фонарик.

Напряжение спало. Вэнь Бай не стал выпрямляться во весь рост, а опустился на корточки, чтобы их глаза оказались на одном уровне.

Пастушок смутился от такого жеста. Слишком близко... Но никакой угрозы не ощущалось. Этот человек смотрел на него с доброй улыбкой. Совсем не так, как те, кого затачивало сюда раньше — они кричали, ругались и требовали убираться прочь. И уж тем более не так, как тот жуть наводящий мужчина снаружи, грозившийся испепелить ему макушку.

Мальчик неожиданно покраснел. Посчитав, что выглядит не слишком опрятно, он потянулся поправить разлохматившийся край плаща, совершенно забыв, что держит в кулаке повод. Рывок натянул веревку, продетую в кольцо на носу быка.

Быку это явно не понравилось, и он недовольно фыркнул прямо на мальчишку, обдав его влажным теплом.

Оказавшись весь в испарине и слюнях, пастушок решил, что окончательно опозорился перед гостем. Раздосадованный, он развернулся и принялся тузить своего быка.

Вэнь Бай:

—...

Ему едва удалось сдержать смешок.

Когда потасовка утихла, мальчик повернулся к нему:

— Тебя зовут Вэнь Бай? — И, заметив удивление, ткнул пальцем в бумажный фонарик: — Это он сказал.

Взглянув на беспробудно спящий фонарик, пастушок поспешно добавил, опасаясь обвинений:

— Он просто наигрался и устал! Я ничего с ним не делал! — Мальчик поджал губы: — Я правду говорю!

Глядя на то, как тот изо всех сил изображает равнодушие, Вэнь Бай мягко улыбнулся:

— Я знаю. Спасибо, что поиграл с ним.

Пастушок опустил темные глазенки и пробурчал:

— Всё равно... Я всё равно вас не выпущу!

Голос звучал сердито, но сам он нервно теребил в пальцах пеньковую веревку.

— Понимаю, — спокойно согласился Вэнь Бай.

Мальчик окончательно растерялся. Он ведь четко дал понять, что свободы им не видать, так почему этот человек ни капли не испугался?

— А тот, снаружи... он твой спутник? — спросил пастушок.

— Снаружи?

— Угу. Ужасно страшный дядька, — поежился тот.

Вэнь Баю даже гадать не пришлось, о ком речь. Судя по всему, они уже успели померяться силами. И почему-то Вэнь Баю показалось, что упрямством этот мальчуган чем-то смахивает на самого Лу Чжэна.

— Да, это мой босс.

От такого признания пастушок аж вздрогнул:

— Так он правда испепелит мне темя?!

Вэнь Бай лишился дара речи. Что такого Лу Чжэн успел напелсти ребенку? Сжечь макушку?

Хотя подобное вполне в духе Лу Чжэна, тот обычно не опускается до расправ над детворой. Поразмыслив, Вэнь Бай спросил:

— А что ты ему сказал?

Пастушок виновато отвел взгляд:

— Да ничего особенного... Просто сказал, что не отпущу тебя... и этот фонарик.

Вэнь Бай со вздохом покачал головой:

— Думаю, одной макушкой ты бы не отделался.

— В смысле?

— В самом прямом.

Будь здесь один Вэнь Бай — еще ладно, но Маленький лотосовый фонарь... Это же избалованный наследник Преисподней, которого Лу Чжэн лично выпестовал!

Мальчик от испуга едва не выронил веревку. Поняв, что Вэнь Бай не шутит, он обхватил голову руками и согнулся в три погибели:

— Но как же так?! В дедушкиных книжках с картинками всё было совсем не так!

Как раз в этот момент Маленький лотосовый фонарь сладко потянулся и съехал по хвосту быка. Заметив Вэнь Бая, он первым делом уткнулся ему в грудь, ластясь, а затем подлетел к пастушку:

— Какие книжки? Что там написано?

Хлюпая носом, пастушок сквозь слезы выдавил:

— Там написано... если захватить сообщника врага, можно ставить условия! И пока требования разумны, ради безопасности заложника противник согласится на всё! — Сграбастав фонарик в объятия, он всхлипнул: — Я просто хотел попросить, чтобы он не сжигал мне голову! Разве это чрезмерное требование?!

Малыш-фонарь, совершенно не сознававший, что заложником считают именно его, кивнул:

— Вовсе не чрезмерное!

Вэнь Бай:

—...

— Кто это собрался сжечь тебе голову? Я тебя защищу! — Малыш-фонарь склонил свою круглую макушку.

Мальчик уткнулся в него носом и зарыдал в три ручья, изливая свою обиду.

Заразившись его горем, фонарик тоже зашмыгал:

— Не получится...

Вэнь Бай грешным делом подумал, будто малыш опомнился и отказался идти против собственного отца. Но в следующую секунду тот залился горькими слезами:

— Я не смогу одолеть Лу Чжэна!

И при этом громко и по-детски икнул. Звучало это до того жалобно, что со стороны могло показаться, будто они с пастушком — закадычные друзья против злодея Лу Чжэна.

Вэнь Бай:

—...

Прижав к себе маленького предателя, Вэнь Бай погладил его по лепесткам, утихомиривая. Затем протянул бумажную салфетку зареванному пастушку:

— Ладно, расскажи толком, зачем ты нас сюда затащил?

Мальчик долго разглядывал непривычный белый прямоугольник салфетки, прежде чем поднять глаза:

— Я не затаскивал вас... — Он аккуратно потрогал листочек фонарика. — Он сам сюда пришел.

Вэнь Бай перевел взгляд на малыша. Тот виновато понурился:

— Я услышал «му-у-у»...

Поскольку Маленький лотосовый фонарь сам был сделан из бумаги, бумажные барьеры свитка для него не существовали. То, что для других оставалось невидимой преградой, он преодолел не задумываясь — просто случайно шмыгнул внутрь. Вот только малыш забыл, что Белый нефритовый флакон-тыква оставался у Вэнь Бая, а связь между ними мгновенно затянула вслед за ним и помощника Вэня.

Вэнь Бай потерял дар речи. Выходит, это они бесцеремонно нарушили покой пастушка!

Ощущая неловкость, Вэнь Бай подбирал слова, но пастушок истолковал его молчание по-своему — решив, что ему не верят. Он обиженно буркнул:

— Я уже очень давно никого сюда не заманивал!

Все чувства ребенка были как на ладони, так что Вэнь Бай поспешил извиниться.

— Но отпускать вас я всё равно не хочу, — тихо добавил мальчик, боязливо отводя взгляд.

Вэнь Бай вовсе не сердился. Однако фраза про «ранее заманенных» насторожила его: если не выяснить подробности, в следующий раз пропадет не рисунок из свитка, а живой человек из реального мира.

— И что же мы должны делать, оставаясь здесь? — мягко спросил Вэнь Бай.

Пастушок уселся прямо на землю, подогнув ноги:

— Играть со мной.

— А те, кто попадал сюда раньше... Тоже оставались играть с тобой?

— Нет! — хмыкнул мальчишка.

Не успел Вэнь Бай расспросить подробнее, как фонарик в его руках зашевелился. Опустив взгляд, он увидел, что бумажные лепестки плотно сжались в бутон размером меньше кулачка. Малыш напрягся, расправил лепестки, и на ладонь Вэнь Бая выкатился крошечный скомканный бумажный шарик.

Вэнь Бай аж вздрогнул. Поскольку сам фонарь состоял из бумаги, подобный «выпавший клочок» смотрелся так, словно от него оторвали кусок плоти!

— Что случилось? Ты цел?! — взволнованно спросил Вэнь Бай.

Фонарик покрутился, показывая, что с ним всё в порядке, и подтолкнул бумажный комок прямо к пальцам Вэнь Бая.

— Это от Лу Чжэна... записочка, — прошептал малыш.

Вэнь Бай развернул бумажку. На ней размашистым почерком была выведена всего одна строка:

«Существа внутри двигаются не потому, что они живые. Живая здесь — сама бумага».

Вэнь Бай на мгновение застыл.

Когда он поднял голову, сердце у него сжалось. Вокруг простиралась всё та же бескрайняя белая пелена... но ни пастушка, ни желтого быка перед ним уже не было.

<http://bllate.org/book/20643/2132506>